

Ярославский УНИВЕРСИТЕТ

Орган парткома, ректората,
комитета ВЛКСМ, профкома
и профкома студентов
Ярославского государственного
университета

ЯРОСЛАВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н.А. НЕКРУСОВА

ПРОГРАММА ИЛИ СЛУЖ. ОБЯЗАННОСТИ

Издается с 1986 года

№ 11 (228—229)

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 июня 1991 года

Выходит один
раз в 2 недели

Цена 2 коп.

Накануне Дня Победы собрались ветераны университета за «круглым столом», чтобы поговорить о роли Победы и ее цене, и разговор получился интересный, содержательный: вот и студентки с юридического факультета, залетевшие на огонек этого «круглого стола», как первые ласточки, возвещающие о приходе весны и надежды, не дадут соврать, ибо они именно это утверждали и вполне искренне. Ну, а теперь перейдем к делу. Открыл обсуждение В. И. Андрианов.

Цели гитлеровской Германии, — сказал он, — были изложены в «Неизвестной книге Гитлера «Майн Камф»», известны и по другим источникам, и сводились они к захвату России до Урала, уничтожению 100 млн. жителей и т. д. И сегодня мне, ветерану, больно, когда приходится слышать высказывания типа: «А стоило ли посылать такой ценой?», «Стоило ли идти к Победе ценой блокады Ленинграда?», «100 дивизий потеряли в первые же дни. Ведь это равносильно Перл-Харбору», и тем не менее, нужно понять одно: стоило!... раз народ не сда-

«О РОЛИ И ЦЕНЕ ПОБЕДЫ...»

ся, не растерялся, а, наоборот, нашел в себе силы мобилизоваться в этих условиях.

А ситуация действительно была тяжелой. Придешь, к примеру, к командиру роты и видишь: перед тобой — мальчишка... и т. д. И все-таки непреложным остается тот факт, что несмотря на огромные потери кадровых офицеров в первые дни войны, а также вследствие репрессий, наш народ нашел таки в себе силы для того, чтобы преодолеть все это.

Хотя цена Победы, конечно, велика: официальные потери исчисляются в 27 млн. 700 тыс. в том числе потери партии в войне — 3 млн. человек.

Говорилось в выступлении В. И. Андрианова и о преступной политике верховной власти (репрессиях, неправильной ориентации народа перед войной), и о том, что полководцы гражданской войны никак не проявили себя в Великой Отечественной, и о том, как возникает паника на войне и т. д.

На большой, актуальной про-

блеме в ходе дискуссии задал вопрос В. И. Корнилов: — Как вы оцениваете тот факт, что на Украине ставятся памятники бандеровцам, националистам? И не менее значительным и актуальным был ответ: — Надо идти на общее примирение.

Попросили высказаться об отношении к войне и полномочных представителей нашей молодежи, присутствующих там, и вот что сказала по этому поводу студентка юридического факультета Е. Бритвич:

— Нам легче говорить о роли и значении Победы, нежели о ее цене. Очень стремительно развенчание Победы сыграло, на мой взгляд, негативную роль в становлении молодежи, вышедшей на сцену в период перестройки, так как поток отрицательной информации, льющийся со страниц нашей печати, задушил то светлое, что было у нас в представлении о войне и ветеранах, во многих из нас жалуют ветеранов. У нас настолько жесткая реальность, что нужно

что то, во что бы можно было верить, чтобы выжить, но именно такого идеала у нас сегодня нет.

И бросили им тут ветераны каверзный вопрос на засыпку:

— Сталась война, что бы вы стали делать?

И получили честный ответ: — Нам кажется, что сейчас у нашей молодежи нет такого чувства патриотизма, который был присущ вашему поколению.

Выявила дискуссия и не очень известные у нас факты: также, например, как тот, что вначале войны наши солдаты и население были мирно настроены, не хотели воевать, но когда увидели расстрелянных немцами наших пленных в кюветках, отношение к войне резко изменилось. Начала рождаться ненависть, стало входить в леса население и т. д. И ставшие общеизвестными: 50 процентов командного состава Советской Армии были уничтожены перед войной, и этого нельзя сбрасывать со счетов.

Как бы подтожил все ска-

занное за этим «круглым столом» своим выступлением И. А. Гончаров.

— Я отрицаю утверждение, что к войне мы не готовились, и что она была для нас внезапной. Другое дело, что мы не были к ней готовы по многим причинам, главным из которых та, что опытные кадры были выбиты, что старую технику снимали, а новую мы не получили перед войной и ряд других. Все это уже принадлежит истории и давать оценку должны историки, но объективную оценку, на основании проверенных фактов, а не ту скороспелую, субъективную, которая выписывается зачастую на страницы наших газет и журналов, а в результате, лично я с большим сомнением отношусь к современным историкам, нет у меня к ним доверия. Но могу сказать про себя, что я не совсем безверный: я верю таким серьезным исследователям нашей российской истории, как Соловьев, Карамзин, Ключевский и очень мне хочется, чтобы во все поколения молодежи родили из своих рядов имена под стать этим, историков, достойных нашей отечественной истории.

Т. ДОМБРОВСКАЯ.

Не первый раз приходится писать об общежитии. Еще памяти студенческие волнения, связанные с ним. Что же изменилось с тех пор? Именно это среди прочего, я и собиралась узнать, направляясь в очередной раз в Заволжское общежитие. Дорога туда неблизкая, и как я выяснила, по ходу дела, ходит туда единственный автобус (куда подевался второй — мне еще предстояло выяснить), так что пришлось запастись терпением. И что не говорите, а оно мне очень пригодилось: ждать 22 автобуса, единственного на этом маршруте, пришлось около часа. Но вот, наконец, и он — долгожданный. Легкий шум у вождельных дверей и главное препятствие — позади: я еду. Но недолгой была радость: ведь создавать препятствия у нас мастаки, и бюрократ — он везде бюрократ, что наверху, что внизу. Об этом не следовало забывать, пускаясь в это непростое плавание.

Очередное препятствие представило в образе милой, пожилой женщины-вахтера, которая никак не хотела пропустить редактора внутрь святая святых — общежития, чтобы переговорить со студентами и взять у них интервью. Оказалось, нельзя было ждать коменданта, а ее нет. И снова ожидание. Но чего греха таить, оно для нас дело привычное: нас уже так вымуштровали за годы нашей дорогой советской власти, что мы ждем даже там, где вроде бы и ждать-то нечего.

Но вот, наконец, и долго-

жданый комендант и значит — в путь...

Первой, с кем я познакомилась, была Лариса Быкова, студентка 5-го курса юридического факультета.

— Лариса, Вы живете уже четвертый год в общежитии, что Вы можете рассказать нам о его проблемах?

— Ну, главной была и остается проблема с транспортом. В прошлом году ходил 34 автобус, и это было облегчением, но в том же году его сняли с маршрута, и в результате, мы выходим за 43 минут и не всегда успеваем. Здесь хорошо было в первые годы, когда мы только въехали: холодильники и стиральные машины стояли тогда там, где им и полагается стоять — на кухнях, а затем начались пропажи: продукты из холодильников, стиральная машина. Косилось это тем, что все поставили непосредственно в комнатах, а их, то есть холодильников, всего 18, есть еще прохладных 25 штук, но это за деньги.

К этому следует добавить и плохую работу сантехники, и затянущийся с лета ремонт, и плохо постиранное белье (причем, любопытная деталь: туда отвозим новое, привозим оттуда старое).

А в остальном, с моей точки зрения, все нормально.

— А то, как работает буфет вас устраивает?

— Какое-то время назад там и с собой можно было что-нибудь взять, но сейчас его работа сводится, в основном, к распродаже четырех ящиков молока, да и к ним надо успеть занять очередь.

— Есть ли у вас студсовет и что Вы думаете о его работе?

— Студсовета у нас как такового нет, старый ушел, а нового мы не выбрали. С моей точки зрения, в этом просто нет необходимости, потому что жизнь в общежитии идет своим чередом, и я нахожу нынешнюю ситуацию нормальной.

— А как в отношении досуга, не скучновато ли живете?

Что касается проблем культурного досуга, то большинство из нас старается решать их самостоятельно, своими силами. Для меня это — телевизор, иногда дискотека, даже и за 1 руб. 50 коп. А вообще, надо сказать, что общежитие наше стоит на отшибе, среди лесочков и строек, фактически, спальное место, какие тут могут быть развлечения?

— Лариса, Вы уже заканчиваете, готовитесь к защите диплома, как я поняла, а Вам не жаль будет расставаться с университетом?

— Еще как. Жаль и студенческого житья-бытья, неза-

бываемых студенческих лет и особенно жаль расставаться со своими друзьями.

Как я уже говорила, Лариса готовится к защите диплома и потому, прощаясь, я пожелала ей удачной защиты. Вы познакомились с ее отношением к проблемам общежития и должна сказать, что оно довольно типично для студентов, проживающих там. На это можно сказать только одно: им виднее.

Я побывала в двух или трех комнатах и познакомилась с другими точками зрения и другим образом жизни. Некоторые из них настолько отличны от только что изложенной, что я считаю их темой для самостоятельного разговора (ведь сколько людей, столько и мнений), и мне хотелось бы, чтобы они сами рассказали о том, как они понимают эти самые проблемы. Я же ограничусь рассуждениями общего порядка. Меня, например, интересуют проблемы досуга. Ведь действительно, общежитие очень удалено и плохо связано с культурным центром города. И жалко молодежи этих ребят, которая проходит в каком-то полудеревенском, замкнутом существовании. Ведь не всем достанутся крупные культурные центры после окончания

ОБЩЕЖИТИЕ: ПРОБЛЕМЫ, ФАКТЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

Где же выход?

А возможности накопить культурный потенциал, привычки, развить вкус в таком крупном культурном центре, как Ярославль, конечно, же есть, но для большинства из них они неосуществимы в силу вышеупомянутых обстоятельств. И выходит, что задача выпустить высококультурного, разносторонне развитого специалиста для университета почти неподъемна.

Но вот одна из комнат меня порадовала и вот чем: муж, жена и подруга жены — дружное трио и проблемы досуга для них не существуют. Они ездят в город, и в театр, и в кино, и к друзьям (и не боясь приподняться, так как у них есть защита — представитель сильного пола). Они уже приобрели свои пристрастия, например, все трое большие поклонники театра имени Волкова, всем библиотекам города они предпочитают областную и т. д.

А вот в следующих комнатах я снова встретила знакомую до боли картину: одни девочки и уже совсем другой распорядок дня: в 7 часов вечера они должны быть в общежитии. Позднее, среди тамошних просторов, ходит небезопасно. Всем речитта «выходите девки замуж за своих — тогда и жить будете интересно» не пропущешь, а где их взять на всех своих-то (так и слышу в ответ). И получится замкнутый круг. И жаль мне их молодости. А где же выход? Эй, отцы города, может вы знаете ответ?

Д. ТАНИНА.

ВОЗМОЖНО, что в какой-то стране так ясно и отчетливо не вставала проблема правового государства, а равно проблемы философии права, его определения, новых подходов, оценок и ценностей. Философы, историки, юристы-теоретики выдвигают на сей счет многочисленные концепции, теории, предположения. Но практически никто еще не обратился к богатейшему философскому наследию России, в том числе блестящим философским учениям о праве, трудам таких гигантов отечественной правовой мысли, как Н. М. Корхун, С. Н. Трубецкой, А. П. Куницын, П. И. Новгородцев, Р. В. Тарановский, Б. Н. Чичерин, наконец, к первым серьезным исследованиям феномена права в России С. Е. Десницкому, Э. А. Горюшкину. Великие идеи, идеи философии не уходят в прошлое, а заново переосмысливаются на очередном «витке» развития, оказывают существенное влияние на последующие учения. И где та граница, отделяющая прошлое от настоящего, оригинальность от ретроспективности? Выдающийся русский философ права Н. М. Корхун отмечал, что «русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но не на их качество». Чтобы разобраться в проблеме определения права (а именно эта проблема лежит в основе его реферативного исследования), вернемся к истокам, к началу развития правоведения в России.

Русская правовая наука имеет свою, особую историю. Обычно считают, что начальный период развития науки о праве в России, а точнее ее теоретической части (теоретико-философской) относится к XVIII веку. «До времен Петра I, — как отмечал А. Влассовский, — познание отечественных законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства...» Этой же точки зрения придерживается и Н. М. Корхун: «Изучение правоведения в собственном смысле появляется у нас не ранее XVIII столетия». Действительно, до этого периода теоретическая правовая наука России находилась практически в зачаточном состоянии. Однако и эти «правовые идеи» Древней Руси и эпохи просвещения представляют для исследователя значительный интерес.

В одном из первых политических трактатов Древней Руси «Слове о законе и благодати» Илариона центральная идея — «благодать» (очевидно, свобода), по существу, противопоставляется закону, который рассматривается как формальное предписание, названное извне. В XVI веке, стремясь найти приемлемое разрешение противоречий между феодалами и крестьянством, Федор Карпов предлагает создать «праведные законы», которые бы регулировали различные «людские» интересы. Конечно, ни о каком понятии права здесь говорить нельзя, да и право и закон тождественны в этом учении друг другу.

Создание общерусской правовой системы отразили многочисленные правовые кодексы: Судебник 1550 г., Стоглав

1551 г., Судебник 1589 г., Уложение 1649 г., свидетельствованные, в частности, о значительной образованности русских юристов, если не в отношении чисто теоретических положений, то, по крайней мере, в обдуманности, точности практическо-юридических позиций и ясности их изложения.

Но XVIII век — это век открытия для России теории естественного права. Крупнейшие разработки в теории естественного права этого столетия были проведены Р. Прокоповичем (1661—1736), В. Н. Татищевым (1668—1750), И. Т. Посошковым (1652—1726), М. В. Ломоносовым (1711—1765).

Прокопович стремился сочетать положения священного писания с доводами школы естественного права. Его сочинение «Правда воли монаршей» явилось идейным обоснованием «просвещенного абсолютизма». Стремление доказать естественность подчинения власти монарха проявлялось и в работах В. Н. Татищева. Человек, по его мнению, не может правильно пользоваться своей свободой, поэтому на него должна быть наведена «узда неволи для его же пользы». Порядок в государстве должен определяться законом, который, как он отмечает, бывает естественным и положительным, то есть устанавливаемым государством. Здесь также нет четкого разграничения права и закона.

О том, что государству следует руководствоваться естественным законом, писал М. В. Ломоносов. В отличие от Р. Прокоповича, который полагал, что монарх стоит вне закона, Ломоносов считал, что закон непоколебим и все должны строго его исполнять, в том числе и монарх.

Таким образом, началом развития естественно-правовых идей в России необходимо считать XVIII век. В этот период на изучение права в России существенное влияние оказали западные идеи естественного права, получившие широкое распространение в эпоху буржуазных революций. Но отечественное представление о естественном праве как выражении вечных и неизменных требований имело различные направления: от сочетания естественно-правовых идей с богословскими доводами и обоснованиями абсолютизма (Р. Прокопович) до революционного толкования этих идей и выступлений против монархии.

ПОЖАЛУЙ, наиболее фундаментальным трудом по исследованию естественного права, философии права вообще и этого периода является «История философии права» Н. М. Корхунова. Действительно, Десницкого, Горюшкина и других представителей школы естественного права также отражены на страницах этой работы.

Корхун писал о С. Е. Десницком, профессоре Московского университета: «Десницкого... можно признать первым русским профессором права. Десницкий считал, что задачей натуральной юриспруденции является выяснение причин, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов». При этом необходимо держаться исторического метода (и Корхун полностью с этим согласен). Сам Десницкий отмечает, что «права недостаточны бывают у непрошеных народов, и сколько они ограничены и в совершенстве приведены у внешних».

Жизненное историческим доказательством должно пространно изъяснять». Интересно, что натуральную юриспруденцию Десницкий делил на четыре части: «О происшествии правлений в разные века и у разных народов», «О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей».

ДЕСНИЦКИЙ один из первых осознал необходимость всестороннего изучения права путем соединения философского исторического и догматического методов. Кроме того, западная юриспруденция того времени не помешала о слиянии исторического, метафизического и политического методов при изучении права.

Современником Десницкого и приверженцем естественно-правовых взглядов был В. Т. Золотницкий. Корхун подвергает критике теорию естественного права Золотницкого, называя ее «отвлеченной». В 1764 году, будучи преподавателем кадетского корпуса, Золотницкий напечатал «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российской обществу», книгу, являющуюся первым русским юридическим литературным трудом. Корхун отмечает, что исторического понимания в ней нет и следа. Естественное право, по определению Золотницкого, «есть знание как натуральных законов в первоначальном, натуральном состоянии, так действий и случаев, относящихся к ним». В определении основных начал естественного права Золотницкий оказывается эклектиком: «Можно в естественном праве принять себе следующие познания себя. Рассматривая прилежно сие предложение, узнать скоро и легко можно, что мы не сами собою на сей свет произведены, но есть такое существо, которое на свет произвело, сохраняет нас и управляет светом. Здесь представляется производительный из сего закон, который предполагает... должность, чтобы почитать Бога. В продолжении сего предложения откроется нам второй закон: чтобы сохранить себя и превидеть всегда в лучшее совершенство, поелику есмь создание всеильного творца. Наконец, и третий закон узнаем, чтобы почитать и любить общество, поелику одни без помощи других в свете безопасны и безнуждно жить не можем». Первый натуральный закон: «Из множества действий, состоящих в твоей власти, что полезнее и честнее». Естественное право, таким образом, служит у Золотницкого своего рода мерилом действий людей и законов, создаваемых государством.

ИДЕИ Десницкого о праве были восприняты и другим видным представителем русского правоведения — Э. А. Горюшкиным, профессором Московского университета. Наиболее известные его работы: «Руководство к познанию российского законодательства» (1811—1818 гг.), «Описание судебных действий...» (1805—1808 гг.). Корхун отмечает, что воззрения Горюшкина на право отличались строгим позитивизмом. Он признавал только поло-

По страницам курсовых работ

ИДЕИ ПРАВА В

жизненное, разнообразное и изменяемое право. Действительным основанием законов «он признает только народное умствование, и законодатель у него является лишь выразителем народного правосознания» (как подчеркивает Корхун). Горюшкин за всеми человеческими законами, без всякого исключения обязательно учитывает свойство «зависеть от всех приключений в свете бывающих и переменяться по тому, как куда чего востребует».

Кроме человеческого права, Горюшкин признает также существование права божественного и права животных, а право человеческое подразделяет на естественное и общественное. Но все это несколько не противоречит его строгому позитивизму. И божественное, и естественное право, и право животных он понимает только как подразделение законов, основанное на умствованиях того или другого народа, в данном случае русского. Право он относит не на непосредственном установлении природы (если строго следовать общепринятой теории естественного права), а на том, что «русские законы содержат, и особенно правила, обязывающие людей, дабы им поступать и с прочими животными так, чтобы и они чувствовали собственное благосостояние». Божественное же право Горюшкин подразделяет на «право Закона Божия и Святыне Веры» и право церковного чинопочитания, или «обрядов на вере основанных». «Естественные законы от божественных он отличает не по источнику или по силе, а по предмету». Естественный закон, по его определению это «в рассуждении человека особенно от других», закон общественный — «закон в рассуждении взаимности то с другими». Так как человек, взятый «особенно от других», представляется: 1) простым телом, подобным вещам исчисляемому множеству, находящийся в свете; 2) существующим живым, «из тела и духа составленным, сходственно с прочими животными»; 3) существом разумным, «особенно человеку присвоимым», то и естественное (которое Горюшкин понимал как «установление, согласное с естеством человеческим») распадается на право тела, право жизни и право разума. Так как естественное право, по учению Горюшкина, имеет положительный характер, то и все эти естественные права он соотносит и обосновывает исключительно на положениях русского законодательства.

По воззрениям Горюшкина, не только право собственности, но также и равенство и свобода признаются не естественными, а общественными правами человека.

Признание основой права «народного умствования» приводит Горюшкина к тому, что законодательство он не считает единственной формой права. Кроме письменных законов, он признает еще существование словесных законов, выражающихся в пословицах. (Очевидно, что сам Корхун придерживается обратной точки зрения, прямо, однако, не критикуя идею сло-

весных законов). Горюшкин оригинально определяет право общественное или общежительное: «закон, содержащий в себе позеление об отношении человеческих действий к общежителю» (как видим, тождество права и закона здесь присутствует постоянно). Общественное право дифференцируется на домашнее, соседское, селений, уездное, городское, губерний, государственное и народное. Самый обширный отдел — право государственное — подразделяется на право общее или гражданское. Право общее, в свою очередь, распадается на два отдела: право, которое относится к возможностям, или силам, «дабы производить в действие все то, что нужно к благосостоянию государственному, что особенно называется произведенным в действие верховные власти и правительства», и те установления, которые вменяют в себя все то, что особенно для благоденствия общества необходимо нужным признается, что и называется законом общественного благоустройства».

Корхун дает интересную оценку трудам Горюшкина, подчеркивая, что правовая система последнего представляет не одну только путаницу: в ней выражается своеобразное понимание права, резко отличающееся от средневековой и естественно-правовой доктрины Запада. Воззрения Горюшкина, по мнению Корхунова, совершенно чужды субъективизму и индивидуализму. Право в субъективном смысле не служит у него основным понятием всего построения. Он, правда, дает вначале определение субъективного права, отличая его от законов (единственная его законо-правовая дифференциация): «ни что иное суть, как возможность производить в действие все то, что закон дозволяет». Но это понятие у него особенно глубоко не исследуется и не играет никакой роли в его системе. Его система, по определению Корхунова, есть система объективного, а не субъективного права. Вместе с тем основанием учения Горюшкина является не обособленная личность, не индивид, а общество. Вель определяющим началом естественного права в его теории выступает не индивидуальная свобода, а обязанность. Только одно естественное право, право разума, определяется у Горюшкина как «свобода рассуждать». Сам Корхун считает, что мысль об общественном характере гражданского права заслуживает полного признания.

В ПЕРВЫЕ годы XIX столетия происходит дальнейшее оживление в разработке правовой науки. Это прежде всего связано с именем видного русского юриста А. П. Куницына, преподававшего естественное право в Петербургском университете. В 1818 году вышла в свет его книга «Право естественное». Являясь последователем Канта, он рассматривает право как часть нравственной философии. «Нравственная философия есть наука, излагающая законы, предписываемые воле разума... Нравственная философия разделяется на две части. В первой из-

Возвращаясь к истории

РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

лагаются законы внутренней свободы, которая и называется собственно и правоучением. Во второй предлагаются законы права, которая потому и называется правоучением, или просто правом.

Для отличия от положительных законов, «основанных на произволе законодателя», Куницын предлагал правоучение называть естественным, поскольку оно «излагает законы, выводимые из природы разума человеческого».

В естественном праве А. П. Куницын различал «право чистое» и «право прикладное». «Чистое право занимается разрешением двух следующих вопросов: 1) какие права принадлежат человеку по одной только его природе? 2) какие права сверх того могут люди приобрести и соединить с правами непосредственно из природы происходящими? Прикладное право занимается приурочением положений чистого права к известным отношениям людей, но так как эти отношения многообразны, то из них избираются те только, которые необходимо служат к сохранению внешней свободы людей». Куницын отмечает также различие между правоучением и естественным правом: «правоучение имеет предметом внутреннюю свободу человека, а право внешнюю». Позднее это положение развил Е. Н. Трубецкой в своей знаменитой «Энциклопедии права», существенно дополнив и обосновав его.

Куницын пишет, что «положительные узаконения происходят от произвола и соглашения граждан между собою или от воли верховного властителя в государстве: законы права естественного происходят из общих начал разума». При этом главным руководителем для законов положительного служит «начало права естественного». Формальное начало права Куницын определяет следующим образом: «Человек имеет права на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может».

БОГАТЕЙШЕЕ философско-правовое наследие оставил один из виднейших русских юристов-философов В. Н. Чичерин. Он прямо определял проблему: «Что такое право? Это слово, как известно, понимается в двойном значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение. Право есть свобода, определяемая законом». Практически также мыслит Трубецкой, дифференцируя при этом понятие свобода. И далее: «И в том, и в другом смысле речь идет только о внешней свободе, проявляющейся в действительности, а не во внутренней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом».

Чичерин отмечает также, что «в отличие от нравствен-

ности право есть начало принудительное. Юридический закон поддерживается принудительной властью, нравственный закон обращается только к совести. Если бы юридический закон не был принудительным, то внешняя свобода человека была бы лишена всякой защиты, она была бы отдана в жертву случайному произволу сильнейших». Как видим, тезисы Куницына получили свое известное воплощение в идеях Чичерина, причем у последнего право имеет своей основой «духовную природу человека».

На мой взгляд, Чичерин стоит в стороне от позитивизма и это подтверждает фактический материал, изложенный выше.

Право, следуя Чичерину, труды которого принадлежат к правоведению конца XIX — начала XX столетия, есть свобода. Но нельзя обойти вниманием тот факт, что при всем многообразии мнений и позиций тезис о том, что право есть норма или совокупность норм, получал, пожалуй, более значительное признание у юристов-теоретиков в этот период. Это обстоятельство подчеркивалось многими учеными, хотя теоретик права И. Ильин отмечал при этом: «Вера в спасительный методологический миф падает и уступает место признанию методологического плюрализма». В то же время юрист П. Е. Михайлов пишет: «Наибольшим распространением и авторитетностью пользуется ныне воззрение на право как государственно-принудительные нормы». Об этом же говорил Н. И. Палиенко: «Что право представляет собою именно нормы, в настоящее время признается огромным большинством ученых». В. М. Хвостов отмечал, что «теперь мы считаем за право такие нормы поведения, которые взяты под защиту государства». Однако в этих определениях проявляется одна из сторон права. Говоря о праве, юристы-теоретики имели в виду два общих и основных его назначения: право в объективном смысле и право в субъективном смысле. Под «объективным правом» подразумевались обыкновенно юридические нормы, а под «субъективным» — правоотношения, права и юридические обязанности. Субъективное право понималось как притязание на исполнение обязанности, причем, это притязание не ограничивалось лишь исковым требованием. Субъективное право называлось также правомочием. Правомочие отличалось от простой дозволенности обусловленностью соответствующей обязанности. Сущность субъективных прав рассматривалась с двух позиций: в основе первой лежало учение о воле, второй — учение об интересах людей, охраняемых правом в объективном смысле. Субъективное право не существует без юридической обязанности. Практически без корректировки эта концепция действует и в современной науке. Это легко установить обратясь к работам С. А. Алексеева, профессора Лившица и других.

Вопрос о соотношении субъективного и объективного права в отечественном правоведении решался неоднозначно. Так, Н. М. Корху-

нов, например, исходил из того, что субъективное право исторически предшествует объективному. Г. Ф. Шершеневич, наоборот, отдавал приоритет объективному праву. Действительно, справедливым является утверждение И. Ильина о «методологическом плюрализме».

ПОДОБНЫЙ плюрализм нашел свое отражение на страницах трудов выдающегося русского теоретика права, философа Е. Н. Трубецкого. Обратимся к его «Энциклопедии права»: «Прежде всего несомненно, что право выражает собою правило поведения. Всякому праву соответствует чья-либо обязанность, требование, обращение к какому-либо лицу или лицам. Когда мы говорим о правах собственности какого-либо лица это значит, что все прочие лица — несобственники — должны воздерживаться против того, что составляет для них чужую собственность. Трубецкой отмечает, что если право всегда устанавливает чью-либо обязанность, то несомненно, что оно всегда выражает собою чью-либо притязание. Во всяком праве есть две стороны — лицо управомоченное, которое может требовать, и лицо, или лица, обязанные, которые должны исполнять требования. Ученый делает вывод о наличии в праве двух составляющих: лицо, которое является правообладателем и правоносителем, и общества или группы, которые — лицо управомоченное осуществляет свои права, к которым оно предъявляет свои требования. Право, по мнению Трубецкого, есть «необходимое условие всякого общества: оно — тот общий порядок, которому должно подчиниться как целое общество, так и каждый человек. Все мы должны почитать право, как общий порядок, который должен господствовать над волей каждого из нас. Отсюда — и самое общее определение права: порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в человеческом обществе... Право властвует над нами не как непреодолимый закон природы, а как требование, обращенное к нашей свободной воле, веление, которое мы можем исполнить или нарушить». Как видим, при определении права Трубецкой использует в сжатом виде теорию естественного права.

Трубецкой в отличие от Чичерина связывает право со свободой, имеющей двуединую структуру, природу: «Свобода внутренняя предполагается правом как условие его существования; к ней предъявляются веления права веления эти имеют смысл лишь постольку, поскольку они обращаются к существу, способному сознательно избирать ту или другую цель, тот или другой образ действия. Иное дело — свобода внешняя, свобода как возможность осуществлять те или цели в мире внешнем; в этом смысле наша свобода может быть стеснена, ограничена или даже вовсе уничтожена внешними препятствиями. Свобода в этом смысле составляет содержание права... Где нет внешней свободы, там нет и самого права». Трубецкой, в обыкновении, подтверждает это положение конкретным

историческим фактом: «Существо, совершенно лишенное внешней свободы, есть вместе с тем существо совершенно бесправное». Во всяком праве, отмечает он, свобода лица, в смысле нестесненности другими лицами возможность осуществлять те или другие цели, составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается само право. И снова конкретное подтверждение: «Что такое право на дом? Свобода кредитора располагать в известный срок определенной частью имущества должника, требовать с него уплаты».

Трубецкой делает вывод о том, что всякое право заключает в себе элемент свободы (блестящая идея). «Где вовсе нет свободы, там вообще не может быть никакого права», — пишет он.

Трубецкой, однако, замечает, что свобода, как субъективный, личный элемент права, не исчерпывает собою его сущность. Ведь право неразрывно связано не только с существованием отдельного лица, но и с существованием общества. Поэтому наряду с личным элементом свободы, право, следуя Трубецкому, «заключает в себе другой — общественный элемент — правило поведения или норму, ограничивающую свободу отдельного лица...». Таким образом, Трубецкой выбирает, на мой взгляд, наиболее удачные, центристские определения права, компромиссный вариант: с одной стороны, он позитивно нормализует право, с другой, выводит великодушный элемент свободы в праве, с теоретическим совершенством доказывая его существование.

Не менее глубоко и оригинально исследует Трубецкой и проблему естественного права (а ее своим вниманием не обошел ни один отечественный правовед наиболее детально рассматривая философские аспекты этой проблемы). Он отмечает, что «естественное право не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность и нравственных вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи... Отвергнув естественное право, мы лишим себя всякого критерия для оценки действующего права». Философский компонент здесь заключается в том, что Трубецкой настаивает на существовании права естественного, как права нравственного, в отличие от права позитивного. Это подтверждает прежде всего право Древней Руси, так органично построенное на основе естественного права как действительной совокупности нравственных положений (о чести, достоинстве) и правовых, призванных защищать их.

ВЫПОЛНЕННЫЙ выше обзор трудов русских философов позволяет заключить, что фактически монолитного понимания права в русской философии выработано не было. Каждая теория имеет свои спорные и, конечно, блестящие идеи (о них ниже). Основной круг вопросов затрагивал проблему естественного права, и на основе плюралистического подхода к ней развивались многочисленные школы и течения. Это и нормативная школа права (Палиенко, Михайлов, Хвостов), основа которой перешла в советскую правовую науку, следуя которой право есть система общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством норм, выдвигаемых в качестве регулятора общественных отношений; и социологическая (Петражиц-

кий), приоритет в которой отдается общественным отношениям (такая точка зрения, разумеется, ослабляет государство, речь идет о децентрализации экономики). Это, наконец, нравственная школа (Куницын, Трубецкой), где нравственное направление выступает правовым началом для законодателя. Главным здесь является разрешительный и общедоступный тип правового регулирования. По моему мнению (пусть оно и расходится с точкой зрения того же Хвостова), в русской философии права преобладало именно последнее направление. Я отношу его к блестящей трактовке права: право не есть нечто навязанное извне, а право есть требование, обращенное к свободной воле человека. Но самым существенным моментом здесь является связь права со свободой. Причем свобода позволяет, с одной стороны, делать выбор того или иного образа действия, с другой стороны, свобода лишь возможность, которую можно ограничить принудительной силой государства (прямая связь государства и права у того же Трубецкого не подлежит сомнению). Это диалектическое единство и борьба и порождает, следуя Трубецкому, феномен права. Право не как теоретически обрубленная совокупность норм, а как воли и возможности, составляющих его регулятивную равнодействующую. Практически на тех же позициях стоит Куницын, но он строит свою нравственно-правовую теорию на началах естественного права. Он отмечает, что право само по себе принадлежит человеку и состоит в его внешней свободе, то есть ограничено свободой других людей. Анализируя труды Чичерина, можно сделать вывод, что и он придерживается этих же взглядов, причем его определение права прямо-таки универсально: право есть свобода, определяемая законом. Лаконично, и в то же время чрезвычайно теоретически объемно! Но поразителен тот факт, что даже нормативная школа права в России строила свой научный фундамент на идеях, изложенных выше! Двуединая природа свободы в учениях «нравственников» трансформировалась здесь в право в объективном и субъективном смысле. Субъективное право — это правомочие, обусловленное соответствующей обязанностью. Причем сущность субъективного права состояла в наличии воли, с одной стороны, с другой — в интересах людей, охраняемых правом в объективном смысле. Ну чем не свобода, ограниченная законом? Более того, эта концепция действует и в современной советской науке, то есть она прошла солидную проверку временем. Однако приоритет отдан мне только составляющей части этой позиции, а именно: право трактуется как совокупность норм. Но эту совокупность можно отнести и к институту права, и к его отрасли. А где же здесь сущность, где глубинный смысл, теоретический фундамент права как понятия? Он заключен в дифференции права Трубецкого, Чичерина, Куницына, Корхунова и других философов-юристов, чье наследие так незаслуженно забыто. Я обращаюсь к нему, ибо считаю, что именно в нем необходимо искать ответы на многие вопросы современности. И подтверждением тому служит вся история философии, так как, следуя Гегелю, не удалось опровергнуть никому ни одного философского положения.

Л. ГОЛИКОВА,
студентка группы ПР-11.

ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

Воздавая памяти славянских подвижников

Ежегодно, 24 мая вся культура общественной отмечает день славянской письменности и культуры. Установленный, казалось бы, совсем недавно, праздник все более становится популярным, собирая под свои стяги исповедующих вековечных культурных ценностей, новых своих почитателей. С именами двух православных святых — Кирилла и Мефодия — тесно связано рождение этого праздника: Кто же они? Чем так заслужили внимание своих благодарных потомков? Об этом — наш небольшой исторический экскурс.

IX век. Тревожное и смертное время раннего европейского средневековья. На развалинах Римской империи возникли воинственные германские и иные «варварские» королевства, объединенные воспринятой от Рима христианской религией. Огнем и мечом распространяли христианство римские папы и немецко-католическое духовенство, всячески подавляя при этом у народов, обращенных ими в христианство, развитие национального языка, культуры и письменности.

Другой христианский центр находился на Востоке, в Византийской империи. В отличие от Рима и германских феодальных государств здесь в большей мере сохранялись традиции античной образованности и культуры, продолжали существовать крупные города, многочисленные школы, развитые ремесла и торговля.

Восточно-христианская церковь и Византия не препятствовали, а способствовали развитию на этой основе народной культуры, переводу на местные языки богослужебных книг и даже отправлению церковных служб на этих языках вместо греческого.

На стыке римского и византийского миров лежала страна славян — Моравия.

В конце 862 года к византийскому императору прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Послы передали императору просьбу прислать в Моравию миссионеров, которые могли бы вести пропове-

ди на понятном для моравян языке вместо латинского языка немецкого духовенства.

«Наши люди оставили язычество и приняли христианство, — обратились к императору моравские послы. — Но у нас нет учителей, которые говорили бы проповеди на нашем языке. Поэтому пошли к вам, государь!»

На созванном по совету императора Михаила совете, что просьбу послов никто не выполнит лучше, чем Константин (еще его называли Кириллом) — философ.

«Немоощен я телом и болен, — будто бы ответил на это философ. — Но с радостью пойду в моравскую землю, если только они имеют азбуку своего языка. Ибо просвещение народа без письмен его языка, — добавил он, — подобно попыткам писать на воде!»

Создание славянской азбуки, начало славянской письменности и книжного дела — все это стало заслугой самого Кирилла и его старшего брата Мефодия.

Кирилл (826—869 гг.) и его старший брат Мефодий (820—885 гг.) родились в городе Солуни (ныне — Салоники). По одним преданиям они были болгары, по другим же — болгаринам был их отец, а мать была гречанкой. Уже с детства Кирилл выделялся своим умом и тягой к знаниям. Недаром его в последствии прозвали философом. То и дело он скрывался из шумной Византии куда-нибудь в уединение, подолгу читал, размышлял, а затем, накопив очередной запас энергии и мыслей, щедро растрачивал его в путешествиях, спорах, диспутах, а в научном и литературном творчестве.

Кирилл писал, Мефодий переводил его работы. Младший создал славянскую азбуку, славянскую письменность и книжное дело, старший практически развил созданное младшим. Младший был талантливым ученым, философом, старший — способным организатором и практическим деятелем.

Только физически старший брат превосходил младшего; Кирилл был очень болезненным. Мефодий трогательно заботился и опекал своего более талантливого любимого младшего брата.

До создания своей письменности славяне пытались приспособить к своему языку греческий и латинский алфавит, но в них отсутствовали буквы для многих звуков славянского языка. Кирилл, праяздному, знал о таком применении славянами греческого письма. Знакомство с этими «русскими письменами» объясняет и сравнительную быстроту создания им славянской азбуки. Правда, и в этом случае Кириллу все же пришлось провести сложную филологическую работу. Составил новую, упорядоченную славянскую азбуку и переводил на славянский язык наиболее необходимые для церковной службы книги, Кирилл и Мефодий отправились в далекую Моравию. Это произошло в 863 году.

Нет, не стали труды служивших братьев «письменами на воде». Письменностью осознали и утвердили себя славянские народы.

И сейчас славянская азбука напоминает нам о родстве, о братстве славянских народов. Летописи объединили нас и наших предков-славян в единый народ развивающийся в истории. Славянская азбука донесла до нас раздумья, учения и чувства древних русских.

Сейчас многие народы возвращаются к своей исконной письменности (молдаване — к латинской, Средняя Азия — к своей), справедливо видя в ней неотъемлемую черту своего народа. Мы, русские, можем гордиться, что более чем за 1000 лет сохранили и развили свою культуру, свой язык, свою письменность. Мы сохранили и преумножили великий дар, данный нам братьями Кириллом и Мефодием.

Таким образом, возвращаясь к вопросу, поставленному в начале нашего повествования, мы постарались выразить ответ на них, обращая свой взор к заре славянской азбуки и воздавая должное памяти великих славянских подвижников.

Н. ОБНОРСКАЯ, А. ДАНИЛОВ, студенты I курса исторического факультета, члены кружка археографии и источниковедения.

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

„...Любовь и родному краю меня томила, мучила и жгла“

Сергей Есенин — самый популярный, самый читаемый в России поэт. Для того, чтобы установить этот факт, не нужно прибегать к помощи статистики. Не только любое издание его стихов, любое исследование, посвященное творчеству Есенина, даже глубоко специализированное, расходятся молниеносно. И при этом Есенин поэт, огню не общедоступный, его стихи до сих пор даже таким искусственным читателям, как профессиональные поэты, кажутся «сложным и загадочным явлением»: «кого бы мы ни поставили рядом с ним — Есенин все-таки сам по себе» (А. Прокофьев). Действительно, в писательской судьбе Есенина есть что-то если не загадочное, то в достаточной степени необычное.

Начинал Есенин как поэт феноменального дара, причастный к «незапамятным глумлениям мифотворческого сознания русской старины» — «последний Дель», «цветок лазоревый», «белый ландыш», «вербный отрок».

А через десять лет — всего десять! — Есенин — самый современный по мироощущению художник, к стихам которого люди 20-х годов относились как к письму, полученному по почте от Есенина.

Прошло свыше полувека, а читающая Россия, вопреки уверениям некоторых критиков (в периодике наших дней иногда встречается суждения о том, что настала пора отнестись к есенинской поэзии сдержаннее), продолжает «беззаветно влюбляться» в Есенина.

Не отступает под натиском изучающей, объясняющей, просвещающей и т. д. литературы и легенда о Есенине. Более того, сам факт существования этой легенды весьма показательна и тоже заслуживает изучения. В последнее время опубликовано значительное количество работ, посвященных анализу творчества С. А. Есенина, предпри-

нимается попытка еще раз изучить «русский феномен», много публикации относительно темы гибели поэта. Интересный материал был напечатан в № 10 1990 г. журнала «Молодая гвардия» — это статья И. Лыцова «Убийство Есенина», где автор на основании новых материалов выдвигает свою версию смерти одного из ярких и самобытных поэтов России.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога не верю.
Горько мне, что не верю теперь.
Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская адреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.
Дар поэта — ласкать и карябать.
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я котел на земле повенчать.
Пусть не сладилась, пусть не сбдилась
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит ангелы жили в ней.
Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.
1923 г.

Подготовила
Е. СЕРОВА.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАНОРАМА

Рок против бесправия

Ю. ШЕВЧУК
ДАТ

Никому неизвестная грузинская группа «Цили» рядом с именитыми рок-собратьями выглядела неплохо и вполне достойно. Затем выступали две ритм-энд-блюзовые команды: «Кроссродд» Сергея Воронова и «Ва Банк» Александра Скляра. Первая мне понравилась традиционной и добротной подачей ритм-энд-блюза, вторая — острым привкусом панк-рока. Лидеры обеих групп — отличные шоумены, все внимание приковано к ним. Именно Саша Скляр, руководитель «Ва Банка», был вместе с Герком Сухачевым в ту июльскую ночь прошлого года, когда они подверглись незаконному нападению милиции. И тоже был избит. Единогласные тексты его песен пришлись многим по вкусу. Чего стоят только «Уличные страсти», «Нам не нужен террор! Нам нужен секс, мотор и рок-н-ролл!» — несколько однобоко, но по существу, не в бровь, а в глаз. Долгой полчицейский произвол и насилия.

Новосибирский «Калинов мост» — совсем иная грань рок-движения, иное настроение. Своеобразный сибир-

ский фолк-блюз, не тексты, а стихи, в которые нужно было вслушаться, доверительная манера вокалиста Дмитрия Резвякина — все это импонировало тем, кто пришел на концерт не «оттянуться», а услышать хорошую музыку.

Группа «Бикс» из Литвы оказалась малоинтересна в музыкальном отношении, но то, что музыканты непонаслышке знают, что такое террор, поддержали эту благотворительную акцию в столь трудное для республики время, делает им честь.

Смена в названии нозетей-ливое «и» на саркастическое «ы», питерский «Ауццион», однако, не изменил себе, своему имиджу. Пока Вова Весолкин, оправдывая свою фамилию, радовал народ, покорял зверсты колонок и совершая там променад-шоу чуть ли не в костюме Адама, Ленка и Гаркуша с традиционным набором побрякушек сменяли друг друга в качестве вокалистов, причём на долю Олега в этот раз большей частью приходился БЭК-вокал.

С. БЕРТРАН.
(Продолжение. Начало в № 10)